©АРХИЕПИСКОП КРАСНОЯРСКИЙ И ЕНИСЕЙСКИЙ АНТОНИЙ

ИСПОВЕДНИЧЕСКИЙ ПОДВИГ СВЯТОГО ЦЕЛИТЕЛЯ АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО) И ЕГО ДЕЯНИЯ В ПАМЯТИ КРАСНОЯРЦЕВ

Архиепископ Красноярский и Енисейский Антоний
Красноярская и енисейская епархия

Резюме. *В статье архиепископа Красноярского и Енисейского изложены деяния духовные, врачебные, пастырские святителя целителя Луки, бывшего архиепископа, доктора медицинских наук, профессора Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого, главного хирурга эвакогоспиталя 1515 в г. Красноярске в 1942-1943 годах. Свидетельства написаны на основе воспоминаний красноярцев.*

Ключевые слова: *Войно–Ясенецкий, святой целитель архиепископ Лука, исповеднический подвиг, память о его делах, Красноярск.*

Общеизвестно, что никакая модель – ни политическая, ни экономическая – без возрождения духовности работать – не будет. Мне представляется, что именно по этому поводу собрал нас святой Архиепископ и хирург Лука (Войно-Ясенецкий). Архиепископ Лука – это *личность* в самом высоком смысле этого слова, потому что он не просто сочетал в себе всегда гармоничное целое в понятии духа и материи человеческой субстанции, но наперекор всем стихиям своего не адекватного Правде Божией времени, стоял насмерть за право этой Правде – быть! Будучи хирургом – от Бога, он устоял в тогдашнем соблазне, погубившем многих и многих отречением от Творца и Бога в приписывании научных достижений разума субстанции лишь – материальной. В страшные годы этого материалистического умопомрачения, естественным следствием которого стали ужасающе-карательные меры против инакомыслящих, он – молодой и уже профессор, выдающийся учёный-хирург при блестящей перспективе раскрытия своего целительского дара, – принимает священство, не прячась при этом, а читая лекции и посещая больных в своём, уже духовном одеянии.

В годы расстрелов, нацеленных на идеологических противников в рясах – в первую очередь, – он становится в ряд преследуемых, обрекая себя в этом качестве фактически на всю свою исповедническую воистину жизнь! Этот исповеднический путь его во имя торжества веры в сердцах всех его, так или иначе, тогда окружавших поражал, удивлял, заставляя задумываться самых и закоренелых атеистов. Машина репрессий, запущенная на уничтожение цвета российской интеллигенции, пока щадит профессора в рясе. По инициативе и длительными трудами о. Валентина Войно-Ясенецкого открывается Ташкентский университет, но одновременно с этим паства ташкентская проповеднической деятельностью его освобождается от

«волков в овечьей шкуре», так называемых живоцерковников, искусственно «внедряемых» в тело Церкви безбожной властью. Такая деятельность, конечно же, – этой власти не нравилась. Став епископом Ташкентским, св. Лука тут же становится опальным и подвергается аресту. Далее – беспрестанные аресты, ссылки, тюрьм. И здесь, наверное, можно с уверенностью сказать, что и это было не без промысла Божия. Видимо, этот безстрашный адамант веры, чудом много раз остававшийся в живых, везде и в заключении, возвращая к жизни самых и безнадежных порой пациентов, был всё-таки сохранен за ради не только его врачебного искусства телесного, но за ради и врачевания духовного, всегда имевшего место. Бесстрашно и ничего не боясь, он обличал в неверии и своих коллег по медицине, легко разбивая в пух и прах их однобокий материализм в диспутах, и коммунистов во власти бывших, их оперируя, и сокамерников, когда был в тюрьмах, и среди своих пациентов как гражданских, так и военных. В своем дневнике святитель Лука напишет: «Очень многие говорят и пишут, что я оживил их духовно, возродил к новой жизни, и в самых трогательных выражениях изливают свою благодарность и любовь. Они пишут, что, как ни высока моя медицинская деятельность, но архиерейская неизмеримо важнее. Я и сам так думаю» (Журнал Московской Патриархии. – 1948, – №6. – С.8). Везде, где бы ни побывал архиепископ и хирург Лука, – повсюду он уделял всяческое внимание просветительской деятельности, как научно-медицинской, так и духовно-практической, неся повсюду свет Православия, настаивая на открытии храмов, а где их не было – в местах весьма отдаленных – служил, крестил, вразумлял и воцерковлял людей. В каждом человеке заложен генетический фонд, в том числе – и духовное православное начало, порой совершенно, на первый взгляд, исчезнувшее, изглаженное годами гонений за веру, но так только кажется. Владыка Лука всегда напоминал о стучащемся в сердце каждого человека Самом Христе-Спасителе и о беде тех, кто этому стуку – не внимает, о душе своей вечной – не думает, обрекая себя на дальнейшее отчуждение от благ вечных и ввергая душу бессмертную в пропасть вечного ада. Тысячи людей, встретившиеся на пути Владыки, были вразумлены им и обрели дар слышать зов Христа, внимать Ему, став на спасительную стезю Православия. В памяти многих сибиряков Красноярского края в местах ссылок Владыки запечатлелся его святой образ целителя, в первую очередь – целителя духовного. Вот неполный перечень мест ссылок Владыки в сибирском регионе: Красноярск, Енисейск, Хая, Туруханск, ссылка на Ледовитый океан – станок Плахино, с. Большая Мурта и другие, имевшие место. И везде – молитва, забота об открытии храма, проповедь против сектантства, – целительство духовное и телесное.

Старейшая жительница Большой Мурты Валентина Монина, заботящаяся сейчас о строительстве храма в честь св. Луки в этом селе, где был в ссылке святитель, вспоминает: «Шестьдесят лет назад здесь не смели даже упомянуть Бога… Все, кроме ссыльного хирурга Войно-Ясенецкого…

В нашу больницу ехали из всех окрестных деревень, – рассказывает Валентина Григорьевна. – Тогда редко в какой деревне был фельдшерский

пункт, всех направляли в Мурту. На прием к Войно-Ясенецкому каждый день выстраивалась огромная очередь. Я готовила Валентину Феликсовичу все, что нужно для приема больных: простыни, кипяченую воду; и по одному вызывала пациентов.

Вместе с ним мы принимали детей с трахомой (заболевание глаз, которое нередко приводило к слепоте). Ребенка приносили, я держала его ножки и ручки, а профессор пинцетом удалял трахому. Из глаза кровь шла, он его водичкой промоет, тампончики наложит. Много кому так зрение спас...

В операционной Войно-Ясенецкий казался медсестрам настоящим Богом. Оперировал широко: на костях, глазах, органах брюшной полости, убирал у детей гланды и лечил женские недомогания. Талантливый врач, Войно-Ясенецкий не терпел равнодушия к врачебному долгу. Докторов часто ругал: «Вы, врачи зеленые! Сколько из-за вас поумирало людей!»

Жил Войно-Ясенецкий, вспоминает Валентина Григорьевна, очень скромно, во флигеле при больнице. Зарплаты ссыльному доктору не платили, выдавали только одежду и питание. Когда медсестры готовили врачу еду, каждый раз – не меньше трех блюд, Войно-Ясенецкий всегда выбирал что-то одно, ел очень мало...

Глубочайшая вера ссыльного в Бога, от которой его не могли заставить отказаться никакие лишения, поражала врачей.

Перед операцией, вспоминает Валентина Григорьевна, Войно-Ясенецкий наставлял пациента: «Если веруешь, молись. Все возможно верующему. Молись – и будешь жив».

Валентина Монина стала свидетельницей единственного случая, когда глубоко верующий хирург отказался оперировать пациента-«нехристя».

– Приходит однажды мужчина на прием, – рассказывает Валентина Монина. – С забинтованным глазом, открывает дверь без спроса, без вызова. И с порога говорит: «Я ломал церковь в Шиле, мне в глаз попала стружка».

Валентин Феликсович не расслышал сначала, что он сказал, переспросил: «Что-что?» Я-то уже знала, что он – глубоко верующий человек, пациента локтем толкаю: «Молчи»! Он не понял и повторил: «Да ломал церковь, попала стружка!» «А! – воскликнул Валентин Феликсович. – Ну, тебя Бог наказал, я тебя лечить не буду!» Как сказал, так и сделал.

Мне страшно стало: тогда с религией строго было. Арестовать за такие слова могли запросто. А он ничего не боялся. Он о Боге говорил открыто.

На крыльцо, бывало, выйдет, мы, медсестры, сядем, как на собрании. Я уж многого не помню, но он говорил главное: «Куда меня ни сошлют - везде Бог».

Это были не просто слова. Иногда мы видели подтверждение тому, что слышали от профессора.

Так, он каждый день молился на пеньке в расположенном рядом с больницей скверике. Местные мальчишки частенько мусорили там, оскверняли это место. И однажды один из этих мальчишек, сын фельдшера Миша Бельмач, сильно заболел.

Мы видели, как Миша лежал на крыше своего дома, расположенного напротив нашей больницы, и не шевелился. Все у него признавали туберкулез позвоночника.

Каким-то чудом, так же внезапно, как и заболел, он поправился. Я знаю, что Миша никогда больше не ходил осквернять тот садик...

Валентина Монина тоже благодарна святому доктору за исцеление. Если бы не профессор, молодая медсестра могла ослепнуть.

"У меня глаза часто болели из-за перенесенной в детстве золотухи", – говорит Валентина Монина." В 41-м воспалительный процесс пошел. Особенно летом на солнце у меня воспалялись, болели глаза, я стала плохо видеть. Войно-Ясенецкий заметил это и сказал: «Я тебя вылечу». Каждый день заводил в темную комнату и промывал глаза, мази накладывал. Я спрашивала: «Валентин Феликсович, а что у меня? Трахома или что другое?» он отвечал строго: «Не твое дело знать». Я другой раз забуду про процедуры, он зовет: «Валя! Иди сюда». Только благодаря ему я зрение не потеряла. До сих пор, мне 85 лет, слава Богу, на глаза не жалуюсь...

Если бы вернуть то время, – признается Валентина Монина, – о многом поговорила бы со святым Лукой.

– Сейчас не те верующие, что раньше. Чуть что – от Бога отказываются, и соблазняются, и сомневаются, истины не знают. А он был тверд. Все законы православные исполнял. К Богу дорога у него была твердая...»

Во время войны, чем было далее от линии фронта на восток, тем труднее открывались тогда в Сибири храмы. Именно стараниями и авторитетом Владыки-хирурга, профессора и уже доктора медицины (в ссылке), действовал единственный храм в районе Николаевки в Красноярске, куда владыка Лука, назначенный на эту кафедру, добирался на богослужение в полтора часа пешим ходом. На годы Великой Отечественной войны выпадает третья по счёту ссылка архиепископа с 1941 по 1944 годы. Сначала за ревностную проповедь Христа его хотели расстрелять, но Сталин пощадил будущего своего знаменитейшего лауреата, написав на реляции: «Таких людей… нельзя уничтожать, нам религия сейчас помогает». В эвакогоспитале №1515, располагавшемся во время войны в школе №10 в Красноярске, не было более беспечного в заботе о себе человека, чем он, главный хирург, почти не смыкавший глаз от постоянных операций, и он же – Архиепископ, порой остававшийся и без тарелки супа. В настоящее время школа №10 располагает музеем знаменитого архиепископа и хирурга Войно-Ясенецкого, а неподалёку, в сквере Архиерейского дома установлен величественный памятник Святителю по проекту известного скульптора Бориса Мусата. Последний, кстати, благодаря изучению жизнедеятельности Архиепископа Луки в процессе работы над скульптурой принял сознательно св. Крещение.

Хочу отметить, что незаурядная личность Святителя оставила глубокий след у всех красноярцев, кому доводилось общаться с ним. Новое поколение со слов очевидцев святого Луки тщательно сохраняет в памяти рассказы о

нем. Августа Ивановна Кашаева, работавшая вместе с легендарным Архиепископом и уже ушедшая из жизни, рассказывала следующее:

«Сейчас трудно представить, сколько моральных и физических сил потребовалось людям, чтобы в течение нескольких месяцев госпитали, размещенные в неприспособленных помещениях (чаще всего это были школы), начали функционировать. Госпитали были переполнены. Рабочий день длился двенадцать и более часов. Как была построена работа госпиталя? Рабочий день начинался в 9-00. Я заводила дочь в садик и шла на работу. К пяти часам вечера я могла принять дежурство. За дочерью шел кто-нибудь другой. На следующий день я на пятиминутке сдавала дежурство, и снова рабочий день. В госпиталях не хватало квалифицированных врачебных кадров. Проблема кадров решалась за счет врачей, эвакуированных с Запада.

Лечебной работой руководил профессор (архиепископ Лука – в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий). Самыми прямыми его помощниками были эвакуированные врачи-хирурги Анна Хананoвна Левикова и Нина Степановна Панова. Местные врачи были, но немного. Их не хватало на все госпитали края. Я была местной, красноярской, Таисия Степановна Смирнова, по-моему, рентгенолог Виктор Адольфович Клюге. Мы, местные, почти все были моложе эвакуированных. Те, кто был с Украины (из Запорожья, из Днепропетровска), уехали сразу после ее освобождения...

Кроме нашего госпиталя к профессору (свт. Луке) направляли тяжелораненых и другие госпитали г. Красноярска, и даже края, потому что самые тяжелые больные были сосредоточены в нашем госпитале. У него были операционные дни. В график операций включались не четыре операции, больше – 10-12. Кроме этого, он же был священнослужителем – епископом Красноярским, состоял в Священном Синоде. Жил он в этом же здании (по адресу Ленина, 114) в маленькой комнате на первом этаже, спал на железной койке, в комнате были иконы. Обеды ему готовили в госпитале на кухне».

Дочь священника Всеволода Баркова, Валерия Троценко, вспоминает, как её отец, освобождённый в годы войны из заключения, «уже не имел никаких», – как она пишет, – «средств к существованию, прошло 5 месяцев, а давали при освобождении очень ничтожную сумму, только хватало на билет – если уезжать сразу…

Александр Парфеньевич Алексеевский – директор железнодорожной школы в г. Красноярске посоветовал ему обратиться к Архиепископу Луке, так как он часто помогал нуждающимся. Папа пошел в церковь, встретился с ним, рассказал о том, кто он и откуда и в чем его нужда. Архиепископ Лука дал ему денег и пожалел, что не может дать ему больше. Папа был очень благодарен и за эту помощь. Теперь у него были средства добраться до дома. И всю оставшуюся жизнь, он молился он Архиепископа Луку».

В памяти одной из начальниц, инспектировавших в те годы эвакогоспитали и посетившей госпиталь №1515, где трудился Владыка Лука, сохранился и такой «казусный» эпизод её с мудрым хирургом. Предвидя

посещение столь важного начальства и дабы «сгладить» возможный гнев коммунистки из-за «красного» угла, где у него находилась икона, Валентин Феликсович обзавёлся где-то и портретиком Ленина, поставив его на свой крохотный столик. Впечатление описывает сама, упомянутая хирург В.Н. Зиновьева: «Я была удивлена и даже поражена этим, я говорю: «Валентин Феликсович, как у вас все это совмещается?» Он ответил, что идеи христианства и идеи марксизма-ленинизма похожи, потому что они хотят добра народу. Вот так мы и познакомились. А поскольку у меня неподалеку была квартира, я пригласила его. Он мне очень импонировал, был умным и, я бы даже сказала, мудрым, но положение его было противоречиво, и он страдал от этого».

«Противоречивость», подмеченная В.Н. Зиновьевой, разумеется, – была, но не в том понимании, в каком её увидела она – сопоставлением иконы и портрета Ленина, а в той явной для Владыки абсурдности тогда повсюду пропагандируемого понятия о несовместимости науки и религии, явно противоречащей здравому смыслу. Впрочем, вряд ли тогда, во время войны, дискуссии на религиозно-философские темы были в Эвакогоспитале частыми. Владыка, вероятно, не мог в бессилии своём вразумить коллег и излечить их духовно от материалистической их приверженности найти ум в извилинах мозга, конечно – страдал, что и заметила упомянутая Зиновьева, объяснив это страдание на свой лад.

Конечно же, всё более и более глубокое втягивание советской интеллигенции и народа в марксистско-ленинские дебри материализма были глубоко переживаемы хирургом-епископом, и сердце его, не очень здоровое и физически, страдало, ища выхода из этого состояния только в одном – в Николаевской церкви Святителя Николая. Здесь он был одно со своим народом, зная подлинную причину, и постигших страну бедствий из-за уничтожения храмов, и возрождения её из пепла их восстановлением. Но кто тогда понимал это, если a priori всей идеологии было продолжение строительства безбожного рая на земле и по завершении войны, ничему не научившей некоторых. Забота о храме всегда поэтому была заботой первостепенной важности для Архиепископа. Теплилась надежда: будут храмы – будет Русь Святая, не будет их – конец не замедлит себя ждать: Апокалипсис «при дверех», ибо сказал Бог перед всемирным потопом: «Не вечно Духу Моему быть в пренебрежении человеками этими, потому что они плоть» (Быт. 6, 3).

В воспоминаниях красноярского священника о. Николая Климовского отражена отеческая забота святого Владыки о храме красноярском, о первых богослужениях в нём. Вот некоторые из них:

«1марта 1943 г.

Вчера был в Николаевке. Часовня на кладбище открыта для богослужения, 28/02 была совершена первая литургия в родительскую субботу. Вчера предполагалась тоже литургия, но архиепископ Лука, за неимением облачения, вина — кагора и просфор с печатями, служить не стал, а была отслужена обедница и молебен о даровании победы над врагом.

Архиепископ Лука произнес проповедь: поздравил с великим праздником, т.е. с открытием богослужения, и закончил поучением о «страшном суде», ибо неделя мясопустная. Отец Захаров прочитал последование митрополита Сергия с приглашением о пожертвованиях на танковую колонну «Димитрия Донского».

30 апреля.

Канун 1 Мая... Я решил побывать на Пасхальной заутрене, с этой целью вечером, часов в семь, направился в Николаевку. Богомольцев было уже порядочно в храме, прошел на клирос с трудом. Предполагалось служить Заутреню на открытом воздухе, но за отсутствием фонарей – служить в темноте сочли неудобным. Было очень тесно и шумно. Пели любители на двух клиросах, мужской хор и женский. Пение было простое – не особенно стройное. Служил епископ Лука (профессор Войно-Ясенецкий, хирург), в сослужении оо. Захарова и Попова (иерей Николай Попов, после 1944 г. – настоятель открытого молитвами архиепископа Луки уже после его отъезда Св.-Покровского Собора – *А.А.).* После прочтения слова Иоанна Златоустого епископ пригласил верующих к пожертвованию в пользу, пострадавших от оккупации немцев. Возвратился я домой в 6-м часу утра.

4 октября.

Слышал, что арх. Лука (профессор) возвратился из Москвы. Передавали, что он очень доволен тем приемом, который он встретил в Москве, как со стороны церковной власти, так и со стороны представителей правительственной власти. Я еще не встречался с ним после приезда. Но слышал, что он передавал следующее. Три иерарха церкви: митр. Московский Сергий, митр. Николай Киевский и митр Ленинградский Алексий были приняты очень радушно т. Сталиным, несмотря на ночное время, 2 ч. ночи. Они были с ходатайством об организации церковного управления. Он спросил их и о других запросах, которые у них имеются (о типографии, печати церковных книг, газет и т.д.) и удивился, что запросы достаточно скромные. Обещал, что со стороны правительства не будет препятствий. Как известно из газет было разрешено: созвать собор епископов для избрания патриарха и Священного Синода при нем».

Как во время войны, так и по окончании её святой Владыка живо интересовался жизнью Русского Православия, усердно молясь об утверждении государство-образующей основы Руси – святой её Церкви.

В заключение хочу особо отметить, Русь святая искони славилась в лице верных чад своих во имя любви к Богу особой приверженностью к служению ближним. В определенные исторические времена, в годы войн и смут, это служение носило характер высочайшей жертвенности, которая удивляла и удивляет все последующие поколения. Причина ее — глубокая вера и преданность Св. Церкви «даже до смерти», во исполнение св. Евангелия: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10, 28). Одного из таких адамантов веры мы имеем в лице архиепископа Луки

Войно-Ясенецкого, сочетавшего в себе две стези своего необычайно удивительного служения Богу в неразрывном единстве их: с одной стороны он — доктор медицины, с другой — архиепископ.

Основательно исследуя природу человека как медик, он прекрасно понимал значение для нее бессмертной субстанции — души человека, о которой сказано в св. Евангелии: «Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф., 10, 39).

Нарождающийся к тому времени кошмар атеистического диктата, присутствовавший во всех сферах жизни России, тысячи расстреливаемых по всей стране священнослужителей, как никогда, свидетельствовали о горькой правде этих евангельских слов. Многие и многие, в том числе священники того времени, потеряли себя для Царства Небесного, но было множество и тех, которые унаследовали его своими страданиями.

Валентин Феликсович по своей глубокой вере и преданности святому православию был с последними, полагая, что они первые — у Господа (Мф. 19, 30). Явно обрекая себя на мученичество и видя даже в своих семейных обстоятельствах благословение на это, этот блестящий ученый-хирург, не только принимает сан диакона и священника, но и становится епископом Церкви в самое сложное для нее время. Если внимательно проследить обстоятельства восхождения его, уже иеромонаха Луки, на высоту архиерейского служения, то сравнение будет однозначным — это восхождение на его Голгофу. И если для святого патриарха Тихона она близилась к концу, то для владыки Луки она тогда только начиналась. Он, безусловно, знал об этом. И потому готов был принять венец свой мученический вслед за многими епископами. Однако Господь призвал верного раба своего еще многие годы в муках и испытаниях нести тяжкий крест свой, тем вразумляя и противоборствуя, врачуя немощи, и исцеляя души, преподавая мир там, где его уже не было, по слову: «С ненавидящими мира бех мирен: егда глаголях им, боряху мя туне» (Пс. 119,7). Приняв в монашестве себе небесным покровителем св. апостола, врача и евангелиста Луку и укрепляемый благодатию архиерейской хиротонии, он становится истинным воином Христовым, всегда готовым отдать жизнь за Св. Церковь, отечество и народ, что уже и засвидетельствовано.

Особо отметим, что врачом-безмездником, как телесным, так и духовным, он оставался всю свою жизнь, как на сибирских наших просторах, так и в иных местах своего родного Отечества, наследовав своей праведностью и Отечество Небесное, вечное, в вечной памяти и народа Божия, который всегда будет помнить Его, молиться Ему, получая чудесно от него ныне, как и при его жизни, исцеления и душевные, и телесные.

Глубокая вера святителя архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), его преданность Святой Церкви при величайших испытаниях, несломленный дух его и всеисцеляющая сила Божественного дара целительства и епископской благодати сделали его имя для народа святым, а память – священной. «Прославляющие Мя – прославлю» (1 Цар. 2, 30), говорит Господь, а посему

память архиепископа Луки всей своей жизнью и талантами прославлявшего Подателя всех благ Бога — вечна!

Молитвенно отмечая ныне юбилей 10-летия прославления во святых сего дивного угодника Божия, всем православным миром почитаемого, будем уповать на милость Божию ко всем нам – чадам его земным в надежде его молитвами утверждаться в благочестии, подражая Ему, дабы, устроив жизнь по заповедям Божиим здесь на земле, сподобиться наследовать и обители вечные, небесные, чаще и чаще обращаясь к нему: Святителю наш отче Луко, моли Бога о нас. Аминь.

CONFESSORED FEAT OF SAINT HEALER ARCHBISHOP LUKA (VOJNO-JASINETSKIJ) AND HIS ACTS IN MEMORY OF KRASNOYARSK CITIZIENS

Archbishop of Krasnoyarsk and Enisejsk Antonij
Krasnoyarsk and Enisejsk eparchy

Spiritual, medical, vicarial acts of sanctifier–healer Luka, former archbishop, Doctor of Medicine, Professor Valentin Feliksovich Vojno-Jasinetskij, who was the chief surgery in evacuation hospital 1515 in 1942–1943 (Krasnoyarsk), are available in the article of archbishop of Krasnoyarsk and Enisejsk Antonij. Facts were written on the basis of Krasnoyarsk citizens memoirs.